

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПРАВА: МЕЖДУ ДОГМАТИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ И ЯЗЫКОМ НОВОЙ АНАЛИТИКИ

***Аннотация.** Статья посвящена концептуальным сдвигам в описании и объяснении феномена права. Предмет науки права — категория меняющихся ментальных, языковых и концептуальных форм его существования и выражения. Развитие науки права подчинено культурно-исторической логике эволюций, как явления права, так и языка рассуждения о праве. Эволюции явления права и эволюции науки права протекают в сложной и динамичной среде институциональных и концептуальных изменений и взаимовлияний. Правовая реальность как социальный факт и понятие о факте существует в культурно-исторических границах взаимодействия языка правовой практики и языка правовой теории. Понимание правовой реальности как языковой реальности (феномена) требует разработки ментальных моделей (эпистем), позволяющих выделять наиболее значимые аспекты проявления правовой реальности в разнообразных социокультурных контекстах ее языкового — институционального (практического) и концептуального (теоретического) выражения. В актуальной повестке дня — становление в общем корпусе правовой науки теории самой юриспруденции. Ее предметно-аналитическое основание составляет теоретическая история юридической науки, представленная в различных культурно-исторических формах существования и выражения юридического знания.*

***Ключевые слова:** правовые институты и концепты, феноменология и аксиология права, поэтика и семиотика юридического текста, образ права и понятие права, воображаемая правовая реальность, концептуальная карта мира, юридический язык и юридический дискурс, понятие «право» и понятие «юриспруденция».*

EPISTEMOLOGY OF LAW: BETWEEN DOGMATIC HERITAGE AND LANGUAGE OF NEW ANALYTICS

***Abstract.** The article is devoted to conceptual shifts in the description and explanation of the phenomenon of law. The subject of the science of law is a category of changing mental, linguistic and conceptual forms of its existence and expression. The development of the science of law is a subject to the cultural and historical logic of evolution, both of the phenomenon of law and the language of reasoning about law. The evolution of the phenomenon of law and the evolution of the science of law take place in a complex and*

dynamic environment of institutional and conceptual changes and mutual influences. Legal reality as a social fact and the concept of a fact exists in the cultural and historical boundaries of the interaction of the language of legal practice and the language of legal theory. Understanding of legal reality as a linguistic reality (phenomenon) requires the development of mental models (epistems), allowing to highlight the most significant aspects of the manifestation of legal reality in various sociocultural contexts of its linguistic and institutional (practical) and conceptual (theoretical) expression. In the current agenda is an emergence in the general corpus of legal science of the theory of jurisprudence. Its basis is the theoretical history of legal science, presented in various cultural and historical forms of existence and expression of legal knowledge.

Keywords: *legal institutions and concepts, phenomenology and axiology of law, poetics and semiotics of legal text, image of law and concept of law, imaginary legal reality, conceptual map of the world, legal language and legal discourse, concept of law and concept of jurisprudence.*

*...границы нашего мира
определяются границами используемых нами языков.*

Людвиг Витгенштейн

История вопроса: концептуальная эволюция дисциплины

1. Общая тема статьи — право и исторические системы знаний о праве¹. Правовая реальность — фрагмент социальной реальности. Юридическое знание — одна из форм репрезентаций или ментальное проявление

---

¹ Считаю необходимым предварить последующие рассуждения о развитии систем юридических знаний одним, дополняющим общую картину темы и процесса, замечанием. Историческое измерение развития права и науки права уже представлено в общей дисциплинарной структуре юридической науки такими областями юридического знания, как «история государства и права» и «история политических и правовых учений». История государственно-правовых институтов и история политико-правовых доктрин — часть общей и профессиональной подготовки юристов на уровне бакалавриата и магистратуры. Дополнительный исследовательский и образовательный импульс развития данного компонента юридической науки и образования связан также с появлением сегодня новой учебной дисциплины — «истории и методологии юридической науки».

Расширение предметно-методологической сферы изучения самой юриспруденции — само по себе и научный факт, и новый предмет юридических исследований. На наш взгляд, в общем корпусе исследовательских направлений юридической науки существенное место должна занимать комплексная проблема и тема культурно-исторических и эпистемологических оснований развития юриспруденции. Ее дисциплинарное самоопределение и выражение и составляет именно *теоретическая* история развития систем юридических знаний или концептуальная история юридической науки. Иначе говоря, новую предметную область образуют и история развития юридической науки, и история концепций, объясняющих ее проблемность в культурно-исторических и концептуальных контекстах их возникновения и существования. История и теория систем юридического знания — это своего рода юридическая археология в духе построений Мишеля Фуко. Она непрерывно пополняется и воспроизводится своими руинами и новым строительным материалом. Это история параллельно существующих и сосуществующих систем юридических знаний, зачастую несовместимых по своим онтологическим и эпистемологическим основаниям. Ее объяснительный потенциал заключен в категориях «*деконструкция*» и «*ризом*», введенных в научный оборот в свое время Жаком Деррида, Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари. Ничего не умирает, все живет своей внутренней жизнью в другой жизни. Разрушители классических эпистем оказались, по существу, их охранителями. В этом смысле истории как таковой нет. История на самом деле — это ирония.

правовой реальности. Право как онтологически нормативная данность и явление права, пересекающиеся категории. Право как данность существует в форме правопорядка конкретной исторической эпохи. Явление права существует в форме коллективных представлений о должном порядке социальных отношений. Это — ментальные образы правопорядка, складывающиеся в определениях языка социокультуры своего времени. Социокультуры продуцируют различные нормативные образы правовой реальности. Ментальный образ архаического порядка заключен в юриспруденции мифа и ритуала, ментальный образ средневекового порядка — в юриспруденции греха и воздаяния, ментальный образ порядка эпохи модерна — в юриспруденции рационального выбора и действия. Любой правопорядок — это одновременно и историческая данность (право *per se*) и модусы юридических картин мира своей эпохи. Они различны по своим культурно-историческим и формальным основаниям [1].

Правовая реальность такова, каковы представления о правовой реальности. В этом аспекте своего существования и выражения правовая реальность — это, прежде всего воображаемая или символическая реальность. Эволюция права — одновременно и эволюция языков представлений о праве, выросших из процессов символических коммуникаций и заменивших нормативный язык природного, биологического общения нормативным языком социокультуры [2]. Правогенез — симбиоз социогенеза и культурогенеза или совместного развития систем нормативных практик и систем исторических языков представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Право определяет себя не только тем, что является его предметом, но и в том, что и как оно воспринимает в качестве своего предмета. Право — это симбиоз норм и ценностей, правил и мировоззрений. Феноменология права включает в себе аксиологию права, аксиология права лежит в основании эпистемологии права.

Представления — не только и не столько элементы правосознания, это — нормативные факты-концепты, лежащие в основании процессов формальной институционализации. Институты меняются вместе с представлениями об институтах. Так, культурно-исторические практики становления и развития права в определениях юридического концепта действительности *Aequitas* и/или *Justitia* различны по своей внутренней юридической сути и обусловленному ими процессу правоформирования². Идея справедливости, выраженная на языке естественно-правовых представлений о должном (*гуманитарном смысле*), и она же, выраженная на языке позитивистских представлений о праве (*формальном смысле*), включает в себе не только

---

² Содержательное и терминологическое различие категории «справедливость» в ее нормативной двойственности и различных культурно-исторических контекстах высказано Б.С. Эбзеевым, общении с которым всегда служило направляющим импульсом размышлений о праве.

различные ментальные и когнитивные основания понимания права; ментальные образы и модели восприятия, переживания и отношения к праву выступают также активными элементами процесса правообразования и строительным материалом своих институтов и конкретно-исторических правовых систем в целом.

Современная юридическая наука полагает широкий контекст формирования и действия права, далеко выходящий за рамки формально-догматической версии понимания права и предмета позитивной теории, основанного на ее аксиоматических положениях. Юриспруденция не просто лежит в основании государственно-правовых институтов, сами институты являются олицетворением юриспруденции. Предмет юриспруденции — сама юриспруденция в ее знаниевых формах и обозначенных в них дискурсивных практиках и институтах. Одного только доктринально санкционированного определения понятия права как *«совокупности правил человеческого поведения, установленных ... в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»* [3, с. 40–41; 4]³, вполне достаточно для понимания нормативной роли языка в конституировании отечественной институциональной реальности.

Быть, значит иметь свое собственное имя или наименование, свою языковую и дискурсивную форму выражения. Важно лишь не переопределять себя на нормативном языке, противоречащем юридическому смыслу социального общения, заключенному в предметной логике самого социального общения. Социальные институты потому и являются институтами, что заключают в себе свое собственное право и живут этим правом. Это —

---

³ Канонический образ права как инструмента государственной воли и политики победившего класса открывал неограниченные возможности социального мифотворчества, что исключало какую-либо рефлексию на предмет действительных границ в строительстве нового мира, поскольку никаких юридических ограничений в борьбе за светлое будущее по определению не могло быть. Право в этатистской логике понимания его природы и бюрократическом стиле выражения с его безапелляционностью и дотошной мелочностью инструкции и наставления не подлежало какой-либо критике со стороны своих доктринальных и концептуальных оснований. Власть дискурса и дискурс знания о власти поддерживали и воспроизводили друг друга. Задачи юридической науки фактически заключались в придании официально санкционированной версии определения права научной респектабельности.

Аналитика формально-догматической юриспруденции обнаруживала себя, главным образом, в юридико-технической разработке прикладных тем. Научные дискуссии теоретико-методологического характера при всей своей пафосности сводились к одному и тому же конечному результату — подтверждению безусловной истинности того, что и так не нуждалось в доказательствах. Либо, в лучшем варианте, в извлечении на свет божий того, что было давно представлено и освоено отечественной дореволюционной юриспруденцией, либо доверительному рассказу о том, как живительная влага заграничного знания попадает в научный оборот из реферативных ресурсов академического Института научной информации по общественным наукам.

Post scriptum. Источник заграничных знаний (ИНИОН РАН) сгорел в прямом смысле вместе с уникальным историческим архивом и библиотекой, видимо, в силу своей ненадобности в эпоху перемен и очередного скачка в очередное светлое будущее.

вопрос социокультуры, превращающей спонтанные социальные действия и ориентации в институты. Советская юриспруденция — классический образец того, как негативная политическая практика может прикрываться позитивной формально-догматической эпистемологией, претендующей на научность и объективность, исключающей критику собственных категориальных и институциональных оснований. Знать все закономерности, касающиеся других, и проспать 1991 год.

Юридическое знание существует не только в различных исторических формах своей репрезентации — мифологической, символической, рациональной, но также в различных языковых модальностях своего присутствия и участия в формировании правовой реальности. Движение от эмпирической формы знания к теоретической, от доктринальной формы к понятийной — эпохи концептуальной эволюции науки, в том числе и юриспруденции. Она — составная часть процесса правопонимания и правообразования (*производства права*), процесса реализации и применения права. Классическая римская юриспруденция вышла из юридической практики. Эпоху превращения эмпирических конструкций в понятия сменила эпоха трансформации модальных концепций в практические конструкции. Социокультурная и нормативная разработки языка описания и объяснения явления права (*концептуализации права*) в современных условиях — составная часть и процесса производства знаний о праве, и процесса производства права. В юридическом языке, на котором говорит право, заключено его прошлое, настоящее и будущее. Фундаментальная проблема современной юриспруденции заключена в разработке языка описания и объяснения новых явлений социальной, экономической и политической практики, требующих их адекватной юридической квалификации и применения. Существующий формат догматической юриспруденции ограничивает свое концептуальное развитие главным образом текущим переопределением наличных понятий в их общей формальной номенклатуре, а не расширением своего предметного поля и аналитического языка [5; 6; 7; 8]⁴.

---

⁴ В известном отношении логика формального переопределения языка догматической юриспруденции доминирует и в альтернативной версии понимания права — либертарно-юридической теории. Ключевые фигуры школы концентрируют свою аналитику не на разработке принципиального нового языка описания и объяснения явления права, что собственно и превращает ее в концептуальную альтернативу старой юриспруденции, а на привязывании ее базовых категорий и понятий к выстрадавшим основоположником школы В.С. Нерсесянцем ментальным образам правовой свободы и равенства. Справедливость почему-то не в почете у сторонников либертарной теории, хотя именно справедливость и резюмирует в себе смысл собственно юридического отношения к действительности.

Интерпретативный формат либертарной теории права фактически закрыл перспективу ее собственного аналитического развития, обрекая на дискуссию с вечным оппонентом, а в конечном итоге, с самой собой. *Mainstream* юриспруденции на закате собственного творения закончился тем, с чего и начался, то есть такой же догмой, но теперь собственного производства.

Дисциплинарное различие предметов практической и теоретической юриспруденции, характерное для отечественной юридической науки, методологически и предметно некорректно, поскольку институциональная и концептуальная логики развития права и науки права, существуя в общем ментальном и когнитивном пространстве, определяют и воспроизводят друг друга. Поэтому сама постановка вопроса о том, кто кого оплодотворяет ресурсами концептуального развития: теория права — отраслевые науки, или отраслевые науки — правовую теорию, напоминает главную дискуссию средних веков о существовании общих понятий в их сакральной роли устройства мира. Их бытие номинально или реально? Оно ни номинально, ни реально, оно объективно. Общие понятия — ни что иное, как образы мира, метафизические смыслы его фактического бытования: общее проявляется в конкретном; конкретное находит себя в общем. Различие в подходах к описанию и объяснению правовой реальности выражает всего лишь различные уровни ее действительного совместного существования. Отношения взаимности эмпирического и теоретического лежат в основании эпистемологии юриспруденции. Эмпирический материал насыщает новым содержанием аналитические категории, а аналитические категории открывают новые значения в эмпирическом материале: одно заключено в другом и наоборот.

Дисциплинарная структура юридической науки является отражением общих и конкретных концептуальных оснований развития системы юридических знаний в целом. Ее организация в культурно-исторической логике и динамике расширяющегося предмета исследования сама по себе является эпистемологической проблемой. Классический предмет юриспруденции — изучение социального поведения в различных исторических системах правовых правил, институтов и процедур. Рефлексия на предмет самое себя — новая фаза концептуальной эволюции юриспруденции. Формирование в общем корпусе юридической науки эпистем, развернутых в культурно-исторической логике эволюции систем юридических знаний или систем категорий и понятий, в рамочных определениях которых осмысляются государственно-правовые явления — актуальная тема юридической науки. Это и есть предмет нового формата юриспруденции, метатеории или теории ее теории, то есть эпистемология юриспруденции.

Проблема концептуализации самой юридической науки, ее предмета и языка заключена в логике реальных асимметричных отношений между новыми явлениями правовой действительности и старым языком юриспруденции. Если старая юриспруденция в своих определениях исходит из принципа нормативности полученных знаний, закрытых в широком диапазоне возможных интерпретаций своего предмета и языка, то новая юриспруденция в своих концептуальных построениях исходит из принци-

па междисциплинарной рефлексивности, открытой различным и конкурирующим дискурсивным практикам получения знаний. Концептуальный симбиоз воображаемого и реального, языка житейской прозы и высокой поэзии, философии отсутствующего и социологии недействующего права. По существу, речь может идти о двух типологически различных форматах юридической науки, а именно аналитики закрытого и открытого текста со своими правилами производства потребления юридического знания и культурно-историческими репрезентациями, которыми являются сакральная и профанная юриспруденция, юриспруденция священных текстов и юриспруденция повседневности.

По существу, речь может идти о двух типологически различных форматах юридической науки, а именно, аналитики закрытого и открытого текста со своими правилами производства и потребления юридического знания и культурно-историческими репрезентациями, которыми являются сакральная и профанная юриспруденция, юриспруденция священных текстов и юриспруденция повседневности.

Язык юриспруденции разных культур своего существования различным образом реагирует на изменения практик социального общения и появления новых сфер человеческой деятельности. В различной степени своего практического бытования он открыт или закрыт для усвоения всего языкового разнообразия других научных дисциплин естественного и социального профиля, меняющих границы предметного и концептуального формата самой юридической науки. Дисциплинарная матрица правовой науки, живя собственной эпистемологической инерцией, постепенно утрачивает способность видеть, различать и понимать явления, которые ментально и концептуально выходят за понятийные рамки ее кодифицированного языка, выработанного как наличной практикой, так и наличной теорией. В самом языке осмысления социальной реальности заключены нормативные границы не только ее юридического определения, но и существования. Сложные социальные коммуникации требуют открытого институциональным и концептуальным изменениям юридического языка.

2. Отечественная юридическая мысль достаточно условно, но, тем не менее, по не зависящим от логики собственного развития политическим обстоятельствам, распадается на три периода — досоветский, советский и постсоветский. Грани, разделяющие эти внешние по отношению к эволюции самой юридической науки фазы, также весьма размыты, поскольку сложно вычленить парадигмальные сдвиги в предметных и методологических основаниях дисциплины, опираясь только на ее доктринальные представления о себе. Язык формально-догматической юриспруденции, который составляет одновременно и концептуальное и нормативное ядро всего корпуса юридических наук, и сегодня продолжает воспроизводить

себя безотносительно от регулярно повторяющихся попыток внести в него новые представления о правовой реальности и продолжает доминировать в самой науке права в ее подходах, определениях и конструкциях. За этим обстоятельством прячется одно значимое в понимании нормативной природы права явление. Классическая юриспруденция уловила архетипическую суть юридической организации социальных отношений, заключенную в нормативной природе самих социальных отношений, то есть ее догму, что, разумеется, не может исключать поиск и других, не менее значимых социокультурных оснований развития и концептуализации права. Для юридической науки важна и догма, и культурно-исторический контекст различных форм ее воспроизводства в социальной практике. Если право — это правила, ценности и концепты в их культурно-исторических отношениях, или языки, на которых говорит юридическая практика, то логично предположить, что юриспруденция — это наука о системах правил, ценностей и концептов в их культурно-исторических определениях; или комплексная научная дисциплина, включающая в себя и феноменологию, и аксиологию, и эпистемологию права, исходя из структуры их общего предмета.

Плюралистическая линия движения отечественной юриспруденции конца XIX — начала XX веков была прервана и забыта на долгие десятилетия именно в момент своего концептуального самоопределения. Индикатором изменений является не только расширение понятийного поля правовой науки, но и становление новых научных дисциплин в системе дисциплин, определяющих ее предметно-методологический профиль. Наряду с социологией и антропологией права постепенно формируется исследовательское направление, предмет которого составляет развитие самой юридической науки. Теоретическая история юриспруденции — новое концептуальное измерение эволюции культурно-исторических форм юридического знания. Изучение изменений в структуре и содержании категорий и понятий юриспруденции или языка юридической науки в различных социокультурных и концептуальных контекстах ее саморефлексии означает фундаментальный сдвиг ее собственной эпистемологии [9; 10; 11; 12]⁵. Лучше поздно, чем никогда, но факт остается фактом. Отечественная юриспруденция пока интересуется всем, чем угодно, кроме самой себя, как предметом исследования в логике концептуальных изменений,

---

⁵ Расширение границ эпистемологии права, действительный предмет которой составляет не только формальное определение понятия права, но также и образы, восприятие и переживание права в контексте социокультуры своей исторической эпохи, существенно меняет понимание его цивилизационной природы, многоуровневой структуры правовой реальности, взаимодействий и влияний ее ментальной, когнитивной и интеллектуальной составляющих. Отсюда собственно и проистекает концептуальная потребность качественного обновления категориально-понятийного аппарата научной дисциплины, способного обнаруживать, описывать и объяснять именно те аспекты правовой реальности, которые выпадают из рассмотрения в рамках позитивистской версии понимания права.

которые характеризуют развитие самой юридической науки⁶. Несмотря на появление в общем объеме научных публикаций отдельных критических материалов, общее состояние литературы вопроса не должно вводить в заблуждение. Объяснение лежит на поверхности. Образ мыслей и действий, как значительной части профессионального научного сообщества, так и практикующих юристов, сохраняет приверженность традиционным взглядам и подходам в описании и объяснении правовых явлений⁷.

⁶ Определенный вклад в понимание кризисной ситуации в теоретической юриспруденции содержат материалы «круглого стола», проведенного кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ и журнала «Государство и право» в ноябре 2015 г. См.: Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31. См. также, Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М., 2015.

Совершенно иное положение вещей демонстрирует уже сложившаяся и активно позиционирующая себя в общем корпусе гуманитарного и социального сознания науковедческая и культуральная традиция зарубежных исследований. Ее концептуальное наследие, постоянно расширяющееся и обогащающееся в своих определениях, составляет весьма обширную и детально проработанную историографию вопроса. См.: Res Publica. История понятия. СПб., 2009; История понятий, история дискурса, история метафор. СПб., 2010; Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. Она логично вписывается в сложившуюся традицию изучения категориально-понятийных систем и лежащих в их основании ментальных и дискурсивных практик, разрывов преемственности и пересечений языков описания и объяснения социальных явлений, представленную Райнхартом Козеллеком (Германия), Мишелем Фуко (Франция), Квентином Скиннером (Великобритания), Умберто Эко (Италия). Общий обзор эволюции дисциплинарной области исследований с достаточной полнотой представлен в работе Питера Бёрка «Что такое культуральная история?», опубликованной на русском языке в 2015 году. См. также, Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2007; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. (I. Хозяйство, семья, общество; II. Власть, право, религия). М., 1970.

⁷ Основанием столь категоричного суждения являются материалы ряда резонансных дискуссий по вопросам базовой категории юриспруденции «система права», проводимых с известной регулярностью в конце тридцатых (1938), середине пятидесятых (1956–1958), начала восьмидесятых (1982) годов. Фактически речь шла о статусе юриспруденции в системе социально-политических наук.

Советская и постсоветская юридическая мысль вращалась и продолжает безостановочно вращаться вокруг собственных догматических конструкций и определений. Ее аналитика до настоящего времени не вышла за понятийные рамки, которые заключены в языке формальной юриспруденции, отгороженном почти религиозным восприятием и пониманием правовой реальности как государственно-правовой. Парадоксальность ситуации может быть выражена простой формулой христианского богослова Тертуллиана «*истинно только то, во что верую*». Возможность выскочить из замкнутого круга элементарных по своей сути и новизне этатистских построений и аргументации, практически закрыта вектором инерционного движения самой юридической науки. Многообещающие концептуальные сдвиги завершились фактически одним результатом — идеологема «советское или социалистическое право» была реформатирована в идеологему «российское право» без изучения изменений собственно среды своего обитания — ментального, терминологического, семантического и социокультурного контекста. См.: Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 гг.). М., 2009; Рейхель М.О. К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 9; Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8; Кнапп В. По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5; Система советского права и перспективы ее развития. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право, 1982, № 6, № 8; Мозолин В.П. Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право, 2003, № 1; Петров Д.Е., Байтин М.И. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право, 2003, № 1. С. 25–34. Подробный анализ сложившегося положения дел представлен в коллективной монографии «Система права. История, современность, перспективы. М., 2018.

Как со времен динозавров мало изменились крокодилы, так же и догматическая юриспруденция сохраняет верность заключенной в ее основаниях эпистемологии. Право — только правила, устанавливаемые государством. Это — позитивное право во всех смыслах его понимания и существования.

Разумеется, известная инерция и приверженность к догматической традиции осмысления правовых явлений и процессов имеет под собой доктринальные и практические основания. Консерватизм науки права в ее базовых положениях — гарантия стабильности и формальной определенности самих социальных отношений, регулируемых правом. Теория юридического отражения действительности логично вписана в концептуальную матрицу позитивистских версий понимания права, полагающих первичность юридического бытия относительно сознания и языка его нормативных определений. За рамками остается другой аспект реальных пересечений и взаимовлияний права и науки права, основанный на понимании конститутивной роли языка описания и объяснения правовых явлений в формировании самих правовых явлений. Процессы воспроизводства права замкнуты на процессы воспроизводства знаниевых форм осмысления права. Действительные источники права заключены в понимании, что есть право и что не есть право каждой исторической эпохи его становления и развития. Наличное право, также, как и его аналитическое продолжение — юридическая наука, существуют в определениях языка социокультуры, ее собственной онтологии, феноменологии и аксиологии.

Не касаясь собственно вопроса концептуальной истории юридической науки, имеющей уже свою историографию [13, с. 48–72; 14]⁸, представляется возможным остановиться на отдельных узловых аспектах расшире-

---

Все иное в этой логике взаимной любви государства и его правил, видимо, негативно. Вопрос правомерности того, что государство считает правом, не существует ни в догматической постановке, ни в формальной аналитике.

⁸ Мы удивительны в своей эпистемологической первозданности. Судя по названиям, у нас, как в той Греции, все есть: и онтология, и феноменология, и аксиология, и гносеология права. Есть все и одновременно нет ничего. В лучшем случае, общие рассуждения на эту востребованную и благодатную тему, хотя, очевидно, что за всеми концептуальными перспективами в эволюции юридической науки должны уже давно прорасти собственные и конкурирующие между собой аналитика и понятийные формы-рамки выражения юридического знания. Судя по однообразному и унылому растительному ландшафту отечественной юриспруденции, она все еще пребывает в критической фазе определения своих теоретико-методологических привязанностей и никак не может изменить тому, что является одновременно и ее ахиллесовой пятой и спасением, то есть ортодоксальной политико-правовой догме 1938 года.

Понимание того, что государственное право или то, что обозначают как позитивное право, всего лишь фрагмент правовой реальности, заключающей в себе множество возможных или параллельно действующих вариантов юридической организации социальных отношений — вопрос открытия другого права и написания его будущей концептуальной истории. Правовая реальность — это своего рода пространство нормативных первоэлементов, нормативных модусов (модальностей) должного в социальном, исторические комбинации которых дают конкретно-исторический формат права своего времени. Как и вся литература заключена в комбинациях букв алфавита, так и право заключено в ментальных и когнитивных элементах актуального переживания и конкретного определения должного порядка своего исторического времени. Эволюция права в этом смысле и есть ничто иное, как изменение типов правосознания (форм осознания права и форм знания о праве), получающее предметное выражение в различных юридических техниках организации правопорядка и культурно-исторических типов правовых систем, резюмирующих совокупность изменений их онтологических, аксиологических и эпистемологических оснований, утраты старых или обретения новых уровней, модусов и модальностей существования и концептуализации языка права.

ния ее проблематики, предмета и методов, благодаря включению в более широкий междисциплинарный контекст, в значительной мере связанный с переводами трудов зарубежных правоведов. Сама по себе возможность контактов с коллегами по цеху даже в такой ограниченной форме представляла собой фундаментальный сдвиг в самоопределении отечественной юридической науки, особенно в той ее части, которая всегда была закрыта для переопределения своих исходных метаоснований — марксистско-ленинской теории государства и права.

Доктринальный статус дисциплины, скорее предписывающей, что понимать под правом и государством, чем аналитической — ориентирующей, что изучать в собственной логике развития исторических категорий и явлений, существенно ограничивал развитие самой теории, ее структуры, научного языка и исследовательского инструментария. Аналитический дискурс догматической юриспруденции или нормативные правила рассуждения о правилах заключен в системе ее аксиоматических суждений, приписывающих юридические характеристики или свойства изучаемым явлениям правовой реальности. Правовое явление существует постольку, поскольку оно может быть вписано в стереотипы сознания, артикулируемые в терминах, семантике и интонациях санкционированного языка. Язык, в нормативной (социокультурной) грамматике которого говорят и рассуждают о явлении, уже в самом себе заключает то, что и как мы мыслим. Иначе говоря, еще до того, как мы начали осмыслять явление, эпистемологические границы его определений уже заданы самим языком.

Догматическое юридическое знание не выводится из реальности, а формирует реальность, исходя из идеологически заданного представления о ее месте и роли в практиках юридической организации социальных отношений. Здесь представление не отражает действительную реальность в логике ее собственных отношений, а производит ее в логике желаемого порядка отношений. Логика реально-сущего находится в прямом подчинении у логики формально-должного. Реальностью распоряжаются как вещью, чья судьба полностью зависит от воли ее собственника. Фактический мир — мир юридических конструктов и симулякров, компенсирующих отсутствие собственной правовой реальности механическими заимствованиями юридического словаря другой реальности.

Не отрицая безусловного значения широких научных дискуссий о соотношении социального факта и догмы права, их итоговые результаты, отвечая известной потребности концептуализации нормативной теории государства и права, исключали методологически и предметно развернутую критику ее исходной аксиоматики и догматики. Концептуальная связь теории государства и теории права, заданная идеологическим контекстом ее понимания, была за рамками методологической рефлексии.

Стандартная, официально санкционированная формационная и этатистская аналитическая топика продолжает доминировать в исследовательских подходах. Определение понятия «право» в определениях понятия «государство» составляло незыблемый принцип познания правовых явлений. Право — это то, что говорит и делает государство. Репрезентативность говорения или делания тому, что есть или может быть, несущественна с точки зрения целевой функции установления правопорядка. Вопрос саморефлексии юриспруденции на предмет самое себя, то есть способности критически осмыслить свои базовые, идеологически мотивированные метаоснования, тем более не стоял и не мог быть поставлен в академическую повестку дня.

Невинное различие права и закона, предложенное В.С. Нерсесянцем и доведенное им до состояния собственной схоластики гипертрофированного формата либертарно-юридического правопонимания, изначально воспринималось как методологический гром с безоблачного неба ясной, как солнышко, советской юридической науки. Ментально с появлением новой версии понимания права ничего не изменилось. Ее последователи, разрабатывая собственную аналитику и концепцию права, также безапелляционно, что делали ранее их предшественники по юридическому цеху, расправлялись со своими почти классовыми противниками. Опомнившись от догматических потрясений, сторонники классического позитивизма вступили в концептуальное сражение с оппонентами, которое не прекращается вплоть до настоящего времени. Отсутствие культуры концептуальной толерантности — характерная черта научного сообщества, истоки формирования которого лежат в идеологии перманентной борьбы со всеми, кто стоит на пути к абсолютной истине. Поиск новой истины сопровождается процессом жертвоприношения инаковости и ее носителей. Это — своеобразный рефлекс религиозного отношения к догме права и ее текстам. Нормативный авторитет догмы охраняется, поскольку с ним связаны конкретные интересы земного авторитета. Аналитика догматической юриспруденции — своего рода юридическое богословие. Эпистемология и теология права в одном сосуде чистой веры и воспитанного ею охранительного разума.

Выяснение взаимных отношений сторонников консервативного и либерального направлений развития юридической науки, классического и неклассического правопонимания фактически составило осевую веху концептуальной эволюции дисциплины переходной эпохи. Ее главный результат состоит не только в разрушении монополии понимания сугубо инструментальной природы государства и права, а, прежде всего, в переориентации юриспруденции на поиск собственных концептуальных оснований и междисциплинарных связей, в предметной логике которых

складывается свой язык и своя методология изучения права, как явления и процесса социальных и культурных коммуникаций.

Динамика концептуальных изменений определяется степенью плотности, регулярности, устойчивости и открытости научных обменов и заимствований, протекающих в нормативных границах языка социокультуры определенной исторической эпохи. Иллюстрацией реального положения дел в отечественной правовой науке является история первого перевода ключевого для отечественной юриспруденции труда австрийского правоведа Ганса Кельзена «*Чистое учение о праве*» в первой (1934) и последней (1960) авторской редакции. Перевод подготовлен к XIII Конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии в Токио (1987) и представлял фактически реферативное изложение отдельных частей базового текста и имел, разумеется, сугубо информативное значение. До недавнего времени этот материал был единственным источником цитирования отечественных правоведов. Фактически, длящаяся практика издания тематических рефератов по материалам опубликованных зарубежных исследований составляла типичный и санкционированный способ включения в научный оборот результатов в области социальных и гуманитарных наук, что, безусловно, свидетельствовало о минимальном уровне открытости политически ангажированной отечественной юридической науки.

Сложно представить сегодня, какими извилистыми путями пересекали идеологические границы отдельные, абсолютно нейтральные работы в области общественных наук? В частности, перевод работы французских авторов Р. Пэнто и М. Гравитца «Методы социальных наук», которая выступила образцом неявного ознакомления отечественных правоведов с результатами исследований в области политической этнографии и юридической антропологии. Книга включала концептуальное введение к изучению права и социальных наук, в котором отдельные суждения по вопросу генезиса права при всей их элементарности отличались от традиционного понимания темы, представленной в классической работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Только спрятавшись за нейтральным названием, предметная часть содержания работы, не вписывающаяся в формационную схему происхождения государства и права, смогла дойти до своего читателя.

Исключение из общего правила составила публикация известного труда французского компаративиста Рене Давида, весьма популярного и сегодня среди отечественных специалистов в области сравнительного права [15]⁹. Объяснение достаточное простое. Автор исследования пра-

---

⁹ Сравнительная юриспруденция Рене Давида до настоящего времени питает весь комплекс современной компаративистики, хотя сегодня более корректно иное именование классического текста, а именно «Основные несовременные правовые системы». Проблемные пласты правовой реальности эпохи системной глобализации носят трансграничный характер. Новые институты существуют за

вовых систем современности значительное внимание уделит становлению и развитию социалистической правовой системы, чем, несомненно, заслужил признательность и доверие со стороны советской научной общности. Последняя была приятно удивлена, узнав из уст французского коллеги, что советская правовая система выступает, с известными поправками, органичной частью европейского правового ландшафта. Подтверждением данного факта является значительное, если не избыточное, количество переводов старых и новых редакций данного труда, в том числе в соавторстве с коллегой по юридическому цеху, правда, в современной редакции; если и сохраняется часть, касающаяся социалистической правовой системы, то без дальнейшего содержательного развития темы, которая умерла не только в силу ухода с исторической сцены главного носителя ее противоположений и правоопределений, а скорее, по причине идеологической заданности и формальной искусственности самой конструкции. Внутренний концепт (*или аксиоматика*) социалистической правовой системы и ее внешний конструкт (*или догматика*) всегда были всего лишь гипертрофированным выражением классического позитивизма, с его официально санкционированным языком рассуждения и понимания права.

Новая постсоветская эпоха развития юриспруденции, сняв идеологические ограничения, как в предметном, так и методологическом отношениях, обнажила одно, но весьма тревожное обстоятельство, связанное с многолетним существованием дисциплины в условиях изоляции от ключевых тенденций, направлений и школ развития современной юридической науки, а именно, ее вторичный периферийный характер и провинциальность.

рамками старой конструкции методологии тождественного и контрастирующего сравнения, обеспечивающих их изучение и понимание. (См.: Марченко М.Н. Конвергенция романо-германского и англо-саксонского права. М., 2007). Решение проблемы заключено в совмещении концепта «*сравнительное право*» и концепта «*сравнительная юриспруденция*» в общий предметно-аналитический комплекс. Практический язык, на котором говорят институты, не существует вне социальной философии и аналитики языка их осмысления, описания и объяснения. (См.: Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. Монография. М., 2013; Михайлов А.М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции (XII–XIX вв.). Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. кандидата юридических наук. М., 2012).

Обе составляющие общего процесса культурно-исторической эволюции права и науки права пока еще живут своей отдельной жизнью, хотя, очевидно, что сравнение правовых конструкций и понятий предполагает в своей онтологии и эпистемологии сравнение юридических картин мира, определяющих институциональный и концептуальный ландшафт отдельных правовых систем. Юридическая картина мира существует в рамочных определениях социокультуры, имеет временное и пространственное измерение и обнаруживает себя в границах определенного юридического языка и дискурса или форм и способов восприятия, переживания и осмысления правовой реальности. Она заключает в себе отдельные эпохи существования и понимания права, выражает себя в системе соотносимых категорий и понятий, таких как правовая география, правовая культура, правовая доктрина, правовая система. Наконец, юридическая картина мира — ментальная и языковая карта социального мира, его концептуальное и нормативное ядро. Эпистемологический поворот компаративистики еще ждет своего часа.

Не должны вводить в заблуждение переиздания работ дореволюционных правоведов и активная переводческая деятельность в различных областях юридического знания, в том числе, области теории права. Не должна вводить в заблуждение и основная масса публикуемых работ по теории права, за претенциозными и многообещающими названиями которых прячется, зачастую весьма тривиальное содержание и юридическая схоластика. Регулярно отмечаемые мемориальные даты в юридической жизни страны, круглые столы и конференции о вкладе в развитие юридической науки отечественных правоведов, все это, скорее, воспоминания о юридическом прошлом и несостоявшемся юридическом будущем¹⁰. Теория государства и права до сих пор не может выйти из концептуальной тени своего советского догматического бытия¹¹, что лишь подтверждает простой факт. Юридическая наука — явление языка социокультуры своего исторического места и времени, которое может течь, а может и замереть на время.

Правовая реальность как юридический текст

1. Правовая реальность — сложная многосоставная и многоуровневая культурно-историческая категория; это — не физическая, а социокультурная, ментальная и когнитивная реальность. Ее можно коснуться сознанием, через осмысление в мифе и логосе, образе и представлении, восприятии и переживании. Правовая реальность — это юридический текст, одновременно — нормативный акт и культурный концепт. На любой фазе своей

¹⁰ См.: Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого. СПб., 2018; 150-летие со дня рождения П.И. Новгородцева (1866–1924): по материалам «Круглого стола». Вестник МГУ. 2016. № 3; Кроткова Н.В. 150-летие со дня рождения П.И. Новгородцева (1866–1924): «Круглый стол». Государство и право. 2016. № 9.

¹¹ Советская юридическая наука, начиная с приснопамятного совещания правоведов 1938 года и знаменитого учебника по теории государства и права 1940 года сказала о себе все, что могла сказать. Заключенная в них юридическая доктрина продолжает воспроизводить себя, свою догматику и аксиоматику, забыв, что главный предмет юриспруденции — критика концептуального языка самой юриспруденции в предметной логике его собственного развития.

Категориально-понятийное ядро дисциплинарного кластера современной правовой науки составляют правовая лингвистика, правовая поэтика и правовая семиотика, эпистемология юридического языка, текста и дискурса. Именно историческая и сравнительная правовая лингвистика и эпистемология права выражают новый концептуальный поворот современной юриспруденции, наряду с ее антропологическим и когнитивным поворотом. Ориентация на языковые феномены правовой реальности в контексте их социокультурной и исторической эволюции объясняется условиями, вытекающими из различия языков эпохи существования самого явления и языков их реконструкции в терминах и значениях другой исторической эпохи. Реальность языка исторического факта и реальность языка интерпретации факта — не тождественные реальности. Отсюда проблема транзита, инкорпорации, конвергенции и трансформации правовых идей и ценностей, правовых институтов и понятий в социокультурных контекстах переопределения базовых категорий права и науки права и в исторических практиках социального (нормативного) общения. Отсюда — проблема прочтения юридического текста, его интерпретации и переинтерпретации путем манипулирования значениями юридического языка, закрывающими возможность получения открытого и достоверного заключенного в нем содержания. Соотношение открытого и закрытого для интерпретации и понимания смысла юридического текста — актуальная тема реальной жизни языка правовых коммуникаций.

культурно-исторической эволюции она структурирована социальными отношениями (*логикой сущего*) и представлениями о должном порядке их нормативной организации (*логикой должного*). В их взаимных отношениях и пересечениях формируется юриспруденция или знание о юридических конструкциях и определениях систем социально-нормативного общения. Поиск практического языка права (*институтов*) и теоретического языка права (*понятий*) в рамочных построениях социокультуры определенной исторической эпохи — два плана концептуализации правовой реальности. Один лежит в плоскости феноменологии права, другой — в плоскости эпистемологии права. Актуальное состояние современной фазы концептуальной эволюции классической юридической науки, ее догматики и аксиоматики связано с расширением номенклатуры категорий и понятий дисциплины и введением в научный оборот новых базовых единиц анализа правовых явлений, существенным образом меняющих не только формат, границы и методы теоретизирования феномена права. Меняется видение самой реальности, открывающей новые слои своего действительного бытования, информационного (*текстового*) и знакового. Право, это одновременно и *формальные правила, и символическое послание*, адресованное *urbi et orbi*. И то и другое — тексты внутри общего юридического текста; но это различные по своему назначению и смыслу конструкции. Предмет первой — общественное отношение, предмет второй — общественное сознание. Функция регулирования конкретного поведения одних совмещена с функцией мобилизации установок на правильное поведение остальных.

Правовая реальность существует одновременно в объективном и субъективном смыслах, в форме сущего и должного, фактического и нормативного, материального и идеального, юридического концепта действительности и юридических институтов. Правовая реальность каждой исторической эпохи говорит на своем юридическом языке. То есть в границах социальных фактов и культурных ценностей или юридических картин мира определенных исторических эпох. Правовая реальность живет в языке рассуждения о правовой реальности. *Nomen est omen*. В этом аспекте своего аналитического выражения юридическая наука в целом и теория государства и права в частности — всего лишь концептуальные формы существования правовой реальности наряду с ее языковой и институциональной формой.

Эволюция права, его институтов, форм и методов юридической организации социальных отношений и эволюция науки права, ее языка, предмета и способов исследования составляют общий объект теоретико-методологических размышлений и определений. Очевидно, что языки институциональной теории права и языки концептуальной теории права характеризуют различные, хотя и взаимозависимые аспекты правовой реальности,

выраженные в ее прагматике и аксиоматике. Исторически сложившаяся и привычная конструкция юридической науки в ее формально-догматической версии выполнила свою эпистемологическую функцию в той части понятийного аппарата дисциплины, которая связана с классическими суждениями о праве и науке права. Позитивистский формат развития юридической науки постепенно уходит на периферию теоретико-методологической рефлексии. На современной фазе своего развития он является собой фактически завершённый проект концептуализации права. И только инерцией существующей научной традиции, ее консерватизмом и официальным статусом теории государства и права, как науки о всеобщих закономерностях политико-правового развития общества, можно объяснить сохранение ее методологического и образовательного значения.

Концептуальный и дисциплинарный кризис налицо, о чем свидетельствует перманентная дискуссия по вопросам определения предметно-методологического статуса теории права в общей системе отраслевых юридических наук. Очевидно, что теоретическая юриспруденция стоит на пороге парадигмальных изменений. Основные параметры нового языка описания и объяснения феномена права — его предмета, содержания и концептуальных границ, то есть, его феноменологии, аксиологии и эпистемологии — актуальная тема и проблема современной юридической теории в формате постклассической юриспруденции. В складывающейся конфигурации междисциплинарных связей юридической науки в общей системе социально-гуманитарных наук особое место начинает занимать, наряду с историей политико-правовых институтов и доктрин, история и методология юридической науки, как особого феномена социокультурной эволюции языка права, его когнитивной и концептуальной составляющих.

История развития систем юридического знания, так же, как и история развития политико-правовых институтов, связаны и определяются общим фундаментальным основанием концептуальных и институциональных изменений права и науки права — юридической картины мира, ее структуры, содержания, логики развития и смены культурно-исторических форм (*эпистем*) осмысления правовой реальности и исторических типов правосознания и правопонимания. Если для современной юридической практики фундаментальное значение приобретает описание и объяснение трансграничных институциональных обменов и пересечений, что предполагает формирование юридически открытых правовых институтов и систем, то для науки права в целом и юридической теории ключевое значение приобретает описание и объяснение междисциплинарных концептуальных преобразований и обменов в системах ее юридического языка. А это предполагает разработку общих междисциплинарных оснований развития юридической науки в ее современной редакции интегральной или культур-

но-исторической институциональной и концептуальной юриспруденции, поскольку язык институтов и язык юриспруденции — взаимозависимые категории и явления общего культурно-исторического процесса развития права и науки права.

2. Феномен права существует в определениях языка своей социокультуры, ее юридического словаря, логики и грамматики, в том числе, языка ожиданий и настроений, переживаний и представлений, оценок и отношения к праву в контексте смены концептуальных парадигм [16]. Это — одновременно ценностно-нормативная и формально-нормативная, языковая и концептуальная реальность. Юридический язык не только отражает явление права в его определениях и понятиях, он формирует право в его категориях и конструкциях. Правовая реальность — одновременно язык понимания и рассуждения о праве. Это язык социокультуры. В нем заключен предмет и метод юриспруденции, означаемое и означающее, план выражения и план содержания явления права.

Язык права лежит в основании юридического текста — универсальной формы существования и выражения правовой реальности, объединяющей в себе язык понятий и концептов, норм и ценностей, символов и ориентаций, статусов и ролей. Юридический текст — по определению культурно-исторический феномен. Как система концептуальных определений и правил нормирования социальных отношений юридический текст — предмет культурно-исторической юриспруденции. То есть комплекса дисциплин, исследующих становление и развитие правовых систем, изменения содержания и форм права, юридических конструкций и понятий, норм и ценностей в исторических логиках своего времени и места — феноменологии, аксиологии и эпистемологии права.

Юридический текст — первичная реальность, интегральная категория юриспруденции и составная часть ее комплексного предмета, наряду с юридическим языком и юридическим дискурсом или системой аргументаций и суждений о праве, включающая нормативную поэтику и грамматику языка отдельных исторических эпох существования и развития феномена права. В этом смысле юридический текст — одновременно и языковая (*знаковая*) реальность и концептуальная (*когнитивная*) реальность или система нормативных представлений о должном порядке социальных отношений. Включение в предмет юридического анализа концептуальной составляющей права и знаковых практик манифестации нормативных границ юридической организации социальных отношений открывает новые перспективы развития науки права. В ситуации фундаментальных институциональных трансформаций национальных и наднациональных правопорядков смена концептуальных моделей описания и объяснения процессов перехода к новым юридическим формам социального, эконо-

мического и политического общения выходит за рамки собственно эпистемологии и аксиологии права, и лежит, скорее, в плоскости адекватной правовой политики, в том числе, научной политики. В то же время, сегодня мировоззренческие изменения — такой же элемент ее превращения в действительность, как и конструирование новых институтов трансграничных обменов и взаимодействий, отвечающих на цивилизационные вызовы постсовременного мира.

Интегральное понимание совокупной социокультурной, когнитивной и языковой природы права позволяет ставить и решать новые проблемы в комплексе их взаимных отношений и определений. В таком предметном и концептуальном контексте вполне корректно рассматривать такие дисциплинарные конструкции, как *Поэтика* и *Семиотика* юридического текста в качестве одновременно самостоятельной и общей части дисциплинарной структуры юриспруденции. Поэтика и семиотика юридического текста являются выражением внутренней языковой (жанрово-стилевой) и внешней (знаковой) репрезентации права в различных соционормативных форматах и практиках регулирования и регламентации социального общения.

Социальное общение изначально заключает в себе *сообщение*, то есть систему знаков и значений, в которых существует и определяет себя и нормативное и символическое измерение многоуровневой культурно-исторической правовой реальности. Семиотика фиксирует структурную связь внешних и внутренних аспектов существования правовой реальности, ее институциональной и концептуальной составляющей, языка юридических конструкций и языка юридических понятий, практического и теоретического языка права и науки права. Поэтика отражает различные ментальные и когнитивные проявления форм мышления о праве, восприятия и понимания права, представленных в разнообразных жанровых и формальных построениях юридического текста, его стилового и риторического оформления. В этом смысле поэтика и семиотика юридического текста раскрывают все богатство и разнообразие культурно-исторических манифестаций и репрезентаций феномена права в практиках социального общения в их прошлом, настоящем и неопределенном будущем.

Юридический текст не существует сам по себе вне социокультурного контекста его производства и потребления. Его собственная жизнь — вопрос нормативных ожиданий, настроений и переживаний наличия или отсутствия надлежащего права, то есть фундаментальной потребности в праве. Дискурсивные практики, основанные на принципе авторитета, существенным образом отличны от дискурсивных практик, основанных на принципе консенсуса. Хотя формальным получателем юридического текста являются все, кому он адресован в силу тех или иных служебных и

житейских обстоятельств, действительным его пользователем являются только те субъекты правового общения, кем он может быть прочитан в предметной логике языка, на котором текст написан и говорит с его потребителями.

Юридический текст как проявление культуры человеческого общения имеет гуманитарное измерение, определяемое культурой форм подачи материала и организации его нормативного содержания. То есть, включает в себе и аксиологию, и эпистемологию права, его ценностно-нормативную и концептуальную структуру. Юридический текст имеет и концептуальное значение, и языковую форму его манифестации. Понимание юридического текста, как знака в системе его нормативных значений и определений и знака как текста в системе его символических представлений и концептов, позволяет рассматривать юридический текст в качестве одновременно предмета исторической поэтики и семиотики права породившей их общей социокультуры.

Правовая реальность в своей внутренней, ментальной сути — это воображаемая реальность. Желаемый правопорядок и наличный правопорядок — несовпадающие категории. Переход должного в сущее варьируется в широком диапазоне возможных флуктуаций, задаваемых юридическими картинками мира каждой исторической эпохи. Поэтико-семиотическое видение правовой реальности в границах собственных исследовательских подходов в изучении феномена права позволяет обнаружить, описать и объяснить именно те аспекты его предмета, которые лежат за рамками формальных определений классической юриспруденции.

Поэтика и семиотика права расширяют уровни понимания и существования права, выделяя и различая видимое и невидимое в праве, его метафизические смыслы и аксиоматические значения, знаки присутствия или отсутствия юридического начала в практиках социального общения (*семиотика*), формы культурных репрезентаций права в процессах социальных коммуникаций (*поэтика*). Семиотика *фиксирует* то, что есть, то есть структуру правовой реальности. Предмет семиотики — базовые архетипы должного, формирующие правовую реальность. Поэтика *выражает* то, что есть, то есть процесс восприятия и переживания правовой реальности. Предмет поэтики — культурные образы должного, оформляющие правовую реальность.

Оба подхода осмысления правовой реальности, как онтологической данности и политико-правового конструкта, объединяет представление о праве в качестве языковой, а значит, и текстовой и знаковой реальности. Включение поэтики и семиотики юридического текста в дисциплинарный кластер юридической науки, наряду с антропологией и социологией права позволяет совместить в общем комплексе представлений о правовой

реальности структурные (*инвариантные*) и культурно-исторические (*вариативные*) основания и аспекты юридической организации и развития социальных систем в рамочных и пересекающихся определениях интегративной юриспруденции.

Поэтика и семиотика юридического текста включают в предмет своего изучения одновременно и изучение юридического языка, на котором говорит право конкретной исторической эпохи, и юридического дискурса, на котором размышляли и размышляют о праве в его прошлом, настоящем и будущем времени. Юридический язык и юридический дискурс, рассматриваемые в предметной логике поэтики и семиотики юридического текста, позволяют увидеть, описать и объяснить те аспекты существования правовой реальности как в плане ее исторического содержания, так и в плане ее исторического выражения, которые характеризуют историческую семантику и грамматику конкретного правопорядка. То есть, тех параметров и координат нормативных коммуникаций, которые составляют фундамент разнообразных культурно-исторических форм социального общения. Несмотря на то, что право занимало в практиках социального общения различное место в отдельные эпохи архаики и исторического существования людей, его постоянное присутствие в повседневной жизни человеческих сообществ позволяет предположить, что язык юридического общения в самом себе, в своей онтологии и аксиологии заключает собственные основания и условия развития и воспроизводства. Это не только и не столько *Основная норма* Г. Кельзена, *правотворческий Дух* немецкого народа Ф.К. фон Савиньи, императивно-атрибутивное *Переживание права* (точнее, его отсутствия) Л. Петражицкого. Это и то, и другое, и третье, и еще много чего, еще не вошедшего в привычный словарь теоретического правоведения.

При всем разнообразии концептуальных подходов и предлагаемых ментальных конструкций в понимании онтологических оснований права, видимо, есть еще и нечто иное, еще неявленное, но вполне реальное, что делает науку права одним из самых увлекательных интеллектуальных путешествий в области гуманитарного знания. Поэтика и семиотика юридического текста заключены в самом факте его существования. Поэтому, возможно, в этом аспекте своего самовыражения и манифестации, можно, используя дополнительный исследовательский инструментарий, разработанный в смежных областях знания, обнаружить в праве еще неизвестные грани заключенного в нем культурно-исторического содержания. Открыть новые горизонты понимания природы права в его имманентной сущности и культурно-исторических формах, юридических определениях, понятиях и конструкциях — актуальная тема и проблема постюриспруденции или интегральной юриспруденции, совмещающей в себе феноменологию, ак-

сиологию и эпистемологию юридического текста — интегральной категории права и предмета науки права.

Поэтика и семиотика юридического текста, и с точки зрения своего предмета (*внутритекстовые и внетекстовые отношения*), и с точки зрения своего аналитического инструментария (язык, на котором текст написан, и язык, на котором текст прочитан), имеют дело с различными и взаимозависимыми аспектами существования права. Различие в языках — это различие в значениях, которые составляют внутреннее и внешнее содержание юридического текста. Это различие — одновременно формальное и предметное. Его снятие и преодоление составляет фундаментальную задачу юридической практики и проблему юридической науки.

Поэтику юридического текста интересует, прежде всего внутренняя форма самого текста как такового или структура, в которой заключено определенное содержание явления, обозначенного термином «право». Базовая функция права — внесение формальной определенности в социальные отношения, составляющие предмет правового регулирования. Очевидно, что реализация данной функции предполагает одновременно определенность в организации самого права, как юридического института и процесса. Исторически и типологически различные правовые системы используют различный институциональный и концептуальный инструментарий для решения этой универсальной задачи. Поэтика юридического текста различных исторических эпох и социокультур находить себя в различных версиях понимания права, выраженных в логике и определениях языка классической и неклассической юриспруденции. Ее собственный предмет — право, существующее за рамками кодифицированного языка формальной юриспруденции.

Семиотику юридического текста интересуют внешние отношения, в структуре которых происходит взаимодействие явления права с адресатами его содержания. Взаимодействие протекает в системе социокультурных координат или определенного контекста, нагруженного определенными ожиданиями и собственными представлениями адресата о должном или недолжном порядке социальных отношений. Юридический текст — в терминах семиотики — означаемое и означающее, превращается в собственный предмет его адресата только в рамочных определениях интерпретации его содержания. Юридический текст, пропущенный через различные формы истолкования его исходного содержания, становится (в терминах семиотики) означаемым, представленным открытым перечнем возможных значений.

Предмет поэтики юридического текста — статика существования юридического текста в системе его собственных значений — означающих. Предмет семиотики юридического текста — динамика существования

юридического текста в системе его подвижных значений — означаемых. Общий предмет поэтики и семиотики юридического текста представляет граница пересечения и совмещения плана содержания и плана выражения основного или первичного юридического текста и плана содержания и плана выражения производного или вторичного юридического текста. То есть до и после его включения в систему социальных коммуникаций. Ключевая тема и логика совмещения двух аналитик состоит в описании и объяснении ментальных и когнитивных разрывов социального общения, границ совместимости или несовместимости языков социального общения. Правовая реальность открывает себя и как юридическая структура (*рамки*), и как юридический процесс (*действия*) в системе знаковых отношений языков социального общения. Язык юридического текста, его терминология, стилистика и нормативная метафорика являются носителями глубинных смыслов юридического концепта действительности, его культурными и нормативными маркерами.

Поэтика и семиотика юридического текста

1. Поэтика и семиотика юридического текста заключают в себе, наряду с аналитикой, не менее значимый пласт правового понимания действительности, представленный в ее диагностировании на предмет выявления скрытых, неартикулируемых решений, спрятанных за фасадом языка формального правопорядка¹². Предмет поэтики юридического текста опреде-

¹² Все, что служит социальному общению и его пониманию, является языком. Жест, звук, интонация, церемониальный акт, любой предмет, заключающий в себе послание другим, в том числе, и слово, устное и письменное. Язык — универсальное средство социальной коммуникации в любой знаковой форме его выражения. В конкретном модусе своего проявления этот аспект и момент социального взаимодействия, применительно лишь к одной из исторических форм своей репрезентации, выразил Клод Леви-Стросс, «В каждом обществе приготовление пищи служит языком, на котором общество бессознательно раскрывает свою структуру. Пища, которую съедает человек, становится им самим. Мы — то, что мы едим, поэтому набор продуктов питания и способы его обработки тесно связаны с представлением личности о себе и своем месте во вселенной и обществе». («Происхождение застольных манер»). В выборе продуктов питания и в самом процессе поедания в его индивидуальной и коллективной формах уже заключена нормативная составляющая социоприродных коммуникаций.

Юридическое начало социальной действительности живет в самой социальной действительности. Все, с чем мы сталкиваемся, и все, к чему мы прикасаемся, имеет юридический смысл и значение. Симптоматично, что уже в раннегреческой традиции осмысления социального порядка движение от Хаоса к Космосу составляло базовый принцип ее нормативной космологии. Для объяснения отклонений от предустановленного порядка социальных отношений в культурный оборот был введен *концепт судьбы*.

Юриспруденция повседневности бесконечна в своих проявлениях. Подтверждением данного факта являются семиотические теории и конструкции социокультурного, а значит, нормативного значения *языка и символики моды* (см.: Барт Ролан. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2018), *языка и символики цвета* (см., например, цикл исследований феномена цвета в культурно-исторических практиках социального общения Пастуро Мишеля: Синий. История цвета. М., 2015; Черный. История цвета. М., 2017; Зеленый. История цвета. М., 2018; Красный. История цвета. М., 2019). Одежда, цвет, позы, генеалогии — это социальные институты-классификации, знаки наследуемого или приобретенного статуса, места, занимаемого в социальной иерархии отдельных сообществ. Все, что существует и социально себя проявляет, есть юридический текст, выражение юридической картины

лен в жанровых формах выражения права, стилей аргументации, терминологии или языков, на которых говорят и рассуждают о праве. Отсюда протекают собственные культурно-исторические форматы поэтики юридического текста: поэтика юридической классики — этатизма и легизма; поэтика юридического реализма и нормативизма; поэтика постюриспруденции. Юридический текст на своем историческом пути в целом и отдельных исторических фазах складывания своей онтологии и аксиологии встречался с различными основаниями своего генезиса и развития, а именно, природой, обществом, религией и государством. Каждая встреча формировала свой культурно-исторический облик юридического текста, свою систему выражения и реализации заключенного в нем нормативного содержания, свою культурно-историческую логику воспроизводства права. Через отношения с данными универсальными феноменами человеческого бытия проявляла себя каждая функция, каждый элемент институциональной, доктринальной, концептуальной и юридико-технической составляющих конкретно-исторической правовой системы.

Само право как таковое обнаруживает свое действительное существование только через связи с данными феноменами общей человеческой реальности, в совокупной структуре которых различают собственно нормативное ядро и периферию в зависимости от места и роли отдельных правообразующих элементов в общеисторическом процессе генезиса и развития права. Право в своей онтологии, аксиологии и эпистемологии — одновременно и институт, и концепт, и эпистема. Процесс правообразования той или иной исторической эпохи, представленный через различение в нем первичных и вторичных, доминирующих и факультативных факторов, условий и оснований становления и развития правовых институтов, заключает в себе как культурно-исторические стандарты нормирования социальных отношений, так и культурно-исторические схемы организации знания о движущих силах данного процесса. Современная правовая наука в рамочных построениях своей дисциплинарной структуры в этом аспекте своего понимания — лишь исторический эпизод в общей эволюции юридических картин мира.

Поэтика юридического текста включает в предмет своего рассмотрения не только феноменальные основания процесса правоформирования. Рабочей частью его совокупной структуры являются также системы юридических знаний, в которых не только и не столько отражается правовая реальность в ее представлениях и определениях, но одновременно протекает концептуально-моделируемый процесс производства и воспроизводства правовой системы в целом. Накопленное юридическое знание о

устройства мира, его изначальной структурированности, то есть нормативности. А значит, входит в предмет исторической поэтики и семиотики.

явлении права — своего рода медиум или посредник в процессах превращения представлений о должном порядке социальных отношений в систему юридических институтов, поддерживающих и обеспечивающих правовой порядок, как выражение должного в сущем.

Юридический текст в форме институтов (правил и ритуальных практик) и юридический текст в форме представлений об институтах (ментальных моделей и познавательных практик) выражает две универсальные формы существования и определения процесса юридической организации (институциональной и концептуальной) социальных отношений. В этом плане общий объект поэтики юридического текста — юридический язык, на котором говорят правовые институты, и юридический язык, на котором их описывают и понимают. В итоге, это — юридические картины мира, которые являются общим социокультурным основанием и источником права и знаний о праве каждой исторической эпохи. Их язык, категории и понятия — знаки цивилизационной принадлежности систем социального общения. Это — ментальные образы должного в сущем, его метаюридических оснований и проявлений в практиках социального общения.

Именно изменения практического и концептуального языка права содержательно и формально являются собственным предметом поэтики юридического текста. Поскольку временной фактор культурно-исторической эволюции языка права составляет фундаментальное измерение и институциональных и концептуальных преобразований правовой реальности в целом, представляется возможным рассуждать о явлении права в логике определений, прежде всего, исторической поэтики юридического текста. В исторических практиках взаимоналожения, сочетания и пересечения социальных отношений и природы, социальных институтов и религии, социальных трансформаций и государства заключены различные правовые порядки, определяемые нормативной природой юридических языков, в которых они нашли свое историческое содержание и формы выражения. Правовые системы первоначальных сообществ, религиозно-правовые системы, государственно-правовые системы — все это, в конечном счете, проявление базовой нормативности дискурсивных практик самих социокультурных коммуникаций, в рамочных построениях и определениях которых обнаруживает себя, формирует и функционирует историческое право.

Отсюда собственно и проистекают различия в предметной и формальной структуре исторической поэтики юридического текста, языка и дискурса, определяемые различной скоростью процессов преобразования права и науки права. Это — проблема медленного времени или проблема структурных, фазовых переходов правовых систем в различных исторических контекстах их существования и взаимодействия и проблема быстрого времени или проблема текущих процессов накопления или разру-

шения внутренних и внешних, институциональных и концептуальных ресурсов собственного развития. Значение исторической поэтики в изучении действительных превращений в системах юридической организации социальных отношений и системах их концептуального описания и объяснения определяется пограничным статусом ее собственного предмета в исследовании правовой реальности. Ее методология заключена в ориентации именно на точки бифуркации переходных состояний и процессов правовых изменений, в которых представлен веер возможных траекторий будущего развития самих правовых систем, стиля и жанровых форм правового осмысления, восприятия и переживания правовой действительности, как явления социокультуры своего места и времени. Поэтико-логическое направление в изучении универсальной категории юриспруденции «*юридический текст*» может, в первую очередь, опираться на отечественную традицию изучения литературных текстов, накопленную и представленную трудами А. Веселовского, А. Белого, Ю. Тынянова, Ю. Лотмана, Е. Мелетинского и других исследователей¹³.

Собственный предмет поэтики юридического текста — превращение воображаемого порядка социальных отношений, то есть юридического концепта действительности, в терминах Г. Гаджиева, в культурный артефакт, — объект эстетического переживания правовой реальности. Правопорядок как нормативное измерение и выражение социокультуры является одновременно и категорией эстетического отношения к действительности, поскольку эстетическое чувство — одна из исторических форм проявления внутренней нормативности социального порядка, как завершенного

¹³ Классическое и непревзойденное в своей аналитике описание эволюции культурно-исторических эпох и форм языка литературного текста дано в докторской диссертации О. Фрейденберг в 1935 году (см.: Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997). Расширение предметных границ приложения языка поэтики представлено в работах Ю.М. Лотмана. См., например, Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Избранные статьи в 3-х томах. Таллин. 1992. Т. 1. Мифоритуальные основания концептуализации мира, понимаемого как текст — структуры социальных отношений и культурных практик, описаны в работах Е.М. Мелетинского (см., например, Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1975). Понимание нормативного значения *поэтики стиля*, как выражения *стиля мышления*, раскрыто в работах П.А. Гринцера (см., например, Гринцер П.А. Стиль как критерий ценности // Сравнительное литературоведение и санскритская поэтика. Избранные произведения. Т. 2. М., 2013).

Фактически и по существу, лингвистика, филология и литературоведение заключают в себе неисслымый по своему объему и культурно-историческому значению материал, который может быть положен в основание *лингвистического поворота* в юриспруденции. Поэтикологический подход к анализу юридического текста в широком смысле понимания содержания и форм выражения данной категории и понятия открывает не только качественно новые аналитические перспективы в изучении права, но также и, прежде всего, в концептуализации предмета и языка самой юридической науки — теоретического правоведения. Язык права — язык социокультуры. Язык юриспруденции — язык осмысления права. По существу предмета, речь должна идти о концептуальной альтернативе юриди-ко-технического понимания роли языка в описании и объяснении феномена права (см.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012; Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997). Язык формально-догматической юриспруденции, сохраняя свое инструментальное значение в конструировании юридического текста, являет собой лишь часть более широкой эпистемы понимания взаимных отношений текста и культуры.

в себе, в своей внутренней гармонии, уравновешенности и стабильности. Поэтика организует и выражает эти качества права в различных аспектах его эстетической репрезентации. Юридическая поэтика классического римского права и религиозно-юридических практик средневековья, эпохи барокко и романтизма, юридическая поэтика революционных эпох правообразования — все это ни что иное, как исторические эпохи движения различных языковых, дискурсивных, жанровых и стилистических форм выражения и манифестации права.

Правовые институты и формы их концептуализации могут быть представлены в качестве юридических текстов, завершенных и незавершенных, являющихся выражением коллективной психологии определенной исторической эпохи, своего рода эпифеномены сознательного и бессознательного, желаемого и фактического, должного и сущего правопорядка. Классическая формула поэтики юридического текста представлена римской юриспруденцией в определении Цельса, приведенное Ульпианом в Дигестах «*Ius est ars boni et aequi*» (Право есть искусство добра и справедливости). Ключевой термин формулы «*ars*» — искусство, ремесло, дело. Искусство деяния, делания и украшения подлинной жизни человеческих сообществ. Юридический текст — это феномен эстетического отношения к действительности, движения от низкого и рутинного к высокому и возвышенному. Эстетическое отношение превращает невидимое юридическое отношение в видимое, вербальное и визуальное.

Юридический текст — также феномен религиозного переживания, что в полной мере продемонстрировали практики средневекового правопонимания. В основании правовых представлений эпохи лежал опыт социального общения как религиозного. Вера в своей онтологии — выражение юридического, то есть предписанного и гарантированного порядка социальных отношений. В вере изначально заключено то, что в формальном праве разведено: легитимность и легальность порядка. В этом смысле религиозное есть первичное основание социального общения. Юридические тексты в своих жанровых построениях (суммы и комментарии) и казуистической аргументации наполнены отсылками к священным книгам, аллюзиями сакрального и профанного порядка отношений, риторическими формулами, в полной мере выражающими особенности юридической поэтики своего исторического времени. Юридический язык вполне вписывался в ее топики священного и мирского, невидимого и видимого в их взаимных отношениях и определениях. Средневековая юриспруденция, ищущая себя в логике догматического толкования базовых текстов классического римского наследия и религиозной юридической картины мира, есть грандиозная попытка совместить несовместимые онтологические основания наличного правопорядка — авторитет божественного в практиках

социального общения и юриспруденции повседневного существования человека.

Юридический текст, по своей сути, искусственный продукт социокультуры, форма самовыражения и репрезентации базовых оснований человеческого существования. Это — концепт и конструкт, юридическая вселенная в миниатюре, заключающая в себе все возможные проявления юридического начала действительности, ее аксиологию, эпистемологию и праксеологию. Правовая реальность во всех своих ментальных и фактических проявлениях есть текст, явление юридического бытия и сознания. То есть организация юридических смыслов и значений в материальной и идеальной форме, форме слов и церемоний, торжественных клятв и одеяний, мифологии и ритуалов, эмблем и знаков принадлежности к определенному социальному классу. Это — архитектура конституций, деклараций, кодексов с их наименованиями, разделами и главами, статьями и примечаниями, сносками и приложениями. Это — архитектура присутственных мест, как материализация образа юстиции. Поэтому юридический текст, в своих определениях и своей композиции — это и категория эстетики. Все разнообразие форм демонстрации присутствия юридического начала в практиках социального общения находит и выражает себя в поэтике юридического текста, универсальной категории права и предмета правовой науки. Поэтика юридического текста находит себя не только в отправлениях текущей законодательной и правоприменительной практики, но также и в собственной исторической памяти, накопленном опыте юридической жизни прошлого, ее юридическом наследии, как позитивном, так и негативном. Юридическое прошлое никуда не уходит, оно существует в своих завершенных или незавершенных формах и постоянно возвращается как бумеранг, особенно в кризисные ситуации, требующие признания или непризнания юридического значения тех или иных фактов и решений, казалось бы, далекого прошлого. Правовой мысли известен феномен *спящих институтов*, которые когда-нибудь в обязательном порядке просыпаются и начинают действовать помимо нашей воли и желания, пробуждая, как правило, грустные воспоминания о несостоявшемся или незавершенном юридическом событии. Оно живет своей теневой отраженной жизнью и тихо ждет своего исторического часа, правовые последствия наступления которого возвращают нас в прошлое и закрывают траектории движения в будущее [17]. *Подлинная правовая история — это история в сослагательном наклонении.*

2. Предмет юридической науки определяется широким дисциплинарным контекстом изучения права как комплексной, многосоставной и многоаспектной категории, института и процесса. Современное состояние исследования права в рамках отдельных направлений разработки его пред-

мета сталкивается с проблемой совмещения различных аналитических подходов — антропологии и социологии права, сравнительного правоведения, юридической лингвистики, культурно-исторической юриспруденции, в общем объеме теоретических и методологических представлений о праве. В аналитической повестке дня тема интегративной юриспруденции сегодня занимает ведущее место и требует своего концептуального решения. Семиотическое видение — описание и объяснение права — представляет значительный интерес в этом аспекте его теоретико-методологической разработки. Семиотика предоставляет в рамках своего собственного инструментария возможность подвести под отдельные, относительно автономные предметные и формальные характеристики феномена права общие концептуальные основания. Если основная тема и проблема поэтики юридического текста заключается в выявлении границ его открытости или закрытости для публичного потребления обществом, то семиотика юридического текста касается столь же актуальной проблемы и темы концептуальной способности юриспруденции быть инструментом изучения права и науки права, как знаковых систем социального и научного общения.

Собственный предмет семиотики юридического текста заключен в его языке, как системе знаков, и языковой деятельности, связанной с переводом их значений в практическую и научную плоскость. Семиотика юридического текста открывает в границах наличной традиции понимания права и конкретных способов и процедур его интерпретации как исторически меняющиеся значения, так и сохраняющиеся смыслы права. Ее рабочий инструментарий — юридический язык и дискурс — выступают одновременно и объектом изучения, и аналитическим средством категоризации и концептуализации правовых явлений. Обе составляющие заданы рамками определенной культуры восприятия и переживания права или юридической картины мира, затрагивающей глубинные (*ментальные*) основания формирования собственно юридического отношения и осмысления действительности. Семиотика права — органичная часть науки права. Предмет семиотики и предмет науки права пересекаются в своей онтологии и эпистемологии, поскольку в их базовых основаниях лежит категория «отношение». Семиотика — дисциплина, в своих определениях и языке связанная с исследованием отношений знака и его значений в различных социокультурах. Юриспруденция — дисциплина, концептуальное ядро которой составляет язык описания и объяснения превращения социального порядка в правопорядок, то есть социального отношения в правоотношение.

Семиотическое прочтение юридического текста, его семантики (содержания) и синтаксиса (правил организации содержания) позволяет при всем разнообразии культурно-исторических форм социального общения, выявить и описать их универсальные смыслы и значения в терминах прак-

тического и теоретического языка, выработанного в рамках своей социокультуры. Юридический текст как со своей внутренней формы (*предмет поэтики*), так и со стороны своей внешней формы (*предмет семиотики*) порождает порядок, повторяемость, регулярность, стабильность и устойчивость которого образуется совместным действием инвариантных структур социального общения и вариативных условий их включения в меняющиеся исторические контексты повседневного существования.

Обе составляющие различных культурных эпох социального общения объединяет свой язык социальной коммуникации, без которого она по определению не могла состояться. Язык производства права и язык его потребления должны быть совместимы, открыты и понимаемы сторонами социального общения, как общая нормативная и когнитивная форма и предпосылка превращения социальной коммуникации в правовую. Проблема в том, что юридический текст создается не только в рамках правотворческого процесса, но также и в процессе его прочтения адресатом правил. Это — связанные общей задачей нормативные практики, которые в одинаковой степени работают на общий результат достижения единой цели — обеспечения правопорядка нормальными условиями его воспроизводства в процессах социального общения. Изменения первоначальных или заданных нормативных значений при их переводе на язык используемых или применяемых значений — вопрос политики и культуры того общества, которое собственно является одновременно и агентом, и актором или участником социокультурного цикла юридической деятельности в целом.

Структура отношений между этими элементами общей коммуникации может быть различной — симметричной и асимметричной, закрытой и открытой, односторонней или двусторонней, вертикальной или горизонтальной, выстроенной в логике патрон-клиентских отношений или гражданских форм социального общения. Все это разнообразие возможных социальных конфигураций порождает разнообразие форм юридического общения и их отображения в семантике и синтаксисе юридического текста. В этом аспекте понимания своего предмета семиотика юридического текста представляет собой инструмент описания и объяснения структур обмена юридическими значениями на различных фазах процесса правовых коммуникаций безотносительно их практических приложений в различных сферах социальной жизни.

Ее концептуальная ценность заключена в универсальности языка ее аналитики. Юридические правила — производные социального общения, изменяющиеся, в зависимости от ее структуры, свои нормативные значения. Семиотика и поэтика юридического текста, образ и понятие, социальная структура и культурный процесс, раскрывают и план содержания, и план

выражения всего действительного разнообразия правил и практик социально-правового общения. Семиотика и поэтика права обеспечивают интегративный статус науки права, как своим собственным инструментарием осмысления правовой реальности, так и своим предметом в его институциональном и концептуальном аспектах выражения и развития. Комплексный предмет интегративной юриспруденции охватывает юридический текст, язык и дискурс в их взаимных отношениях. Комплексный инструментарий дисциплины представлен концептуальным зонтиком — феноменологией, аксиологией и эпистемологией права в их взаимных определениях. Именно совмещение обеих составляющих совокупной структуры права (*предмета*) и науки права (*метода*) образует общий предметно-методологический профиль юриспруденции¹⁴.

Категория «юридический текст» охватывает собой все разнообразие возможных форм существования и выражения правовой реальности — правовые идеи и ценности, нормы и институты, понятия и определения. Правовая реальность — это одновременно и институциональная, и языковая, и концептуальная реальность. Разнообразие форм существования правовой реальности лежит в основании разнообразия форм семиотики юридического текста или форм семиотического прочтения юридических текстов. Право, как юридический текст, и наука права, как аналитическое преобразование и отображение юридического текста в предметной и когнитивной логике его репрезентации, существуют в рамочных определениях социокультуры своей эпохи. Семиотика юридических текстов, представленная системой открытых и закрытых (*кодифицированных*) языков их описания и объяснения и дискурсивных практик, обеспечивающих их

¹⁴ Отечественная юриспруденция, устав от неопределенности собственного концептуального статуса в условиях смены своих доктринальных оснований, активно ищет себя в определениях интегративной (интегральной) юриспруденции. Поиски затянулись, что породило дискуссию о сложности как самого юридического знания, так и отраженного в нем юридического бытия, что само по себе имело фундаментальное значение, прежде всего для самой юридической науки, понимания ею своего предмета и расширения номенклатуры своего словаря. См., например, Графский В.Г. О непреодолимых трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 19–24.

Очевидно, что научную мечту «соединить *все в одном*» должна была предварять развитая исследовательская традиция изучения различных исторических эпох, школ и форм выражения юридического знания, а также соблюдение ряда аналитических условий. Во-первых, в самой правовой реальности необходимо обнаружить *нечто*, что само по себе является категориальным (онтологическим) основанием совмещения отдельных аспектов ее культурно-исторического существования в интегральную целостность. Во-вторых, сама система различных по своей культурно-исторической природе представлений о праве должна в самой себе заключать эпистемологические основания интегрального подхода в понимании и определении того, что есть это *нечто*. Иначе говоря, юридическая наука должна наконец-то заняться, прежде всего, собой в качестве одной из исторических форм манифестации юридического концепта действительности. И не только в рамках философского, метаюридического осмысления права, а непрерывно вырабатывать, обновлять и анализировать конкретно-исторический язык рассуждения о праве и только потом фантазировать на тему, чем научная дисциплина может быть и почему до сих пор ею не стала.

применение, также существует в системе культурно-исторических координат и также является предметом собственной рефлексии.

Отсюда действительная проблема и тема исторической эволюции юридического текста и корреспондирующих ему исторических форм семиотического осмысления правовой реальности. В этом аспекте своего понимания семиотика — органичная часть культурно-исторической юриспруденции, ее теории и методологии. Одной из конкретно-исторических форм семиотического подхода в исследовании права является, в частности, аналитическая юриспруденция, язык определений которой заключен рамками нормативных актов, составляющих основной объект и предмет концептуализации права. В этот кластер теоретико-методологической рефлексии попадает также и догматическая юриспруденция, знаниевая форма определения права в которой аккумулируется в нормах-дефинициях или системы законодательно санкционированных понятий описания и объяснения права. Оба классических формата семиотического подхода в правовой науке, скорее, предписывают нормативные значения тем или иным явлениям мира социальных отношений, чем выявляют их собственную юридическую природу во всем разнообразии возможных культурно-исторических смыслов и значений.

По существу, речь может идти о становлении и развитии внутри самой правовой науки, как исторической формы юридического знания разнотипных эпистем, предметы которых меняются в зависимости от социокультурного контекста и техник социального общения. Разнообразие форм правовой реальности выражается в одномоментном сосуществовании закрытых или открытых юридических текстов; текстов, полагающих для своего изучения открытую или закрытую аналитику; текстов, связанных языком формального толкования, или текстов, требующих для своего понимания инструментария правовой герменевтики. Поэтика и семиотика мифа и юридической традиции, поэтика и семиотика религиозного текста и ритуала, поэтика и семиотика устного и письменного права заключают в себе собственную историческую семантику, синтаксис и грамматику, что составляет предмет и метод самой юриспруденции [18; 19].

Устное и письменное право — это не просто исторически сменяемые формы (*тексты*) фиксации накопленного опыта институционализации социальных отношений и превращения социального порядка в правопорядок, это — также момент и итог знаковой и культурной эволюции в системах социально-правовых коммуникаций. То есть изменений в формах производства и *воспроизводства* правовых систем, связанных с переходом от традиционных способов трансляции опыта правового общения через механизмы передачи исторической памяти к более гибким, мобильным и открытым нововведениям практикам производства и трансляции опыта правового общения. Ее закономерный итог — появление такой принци-

ально новой знаковой формы артикуляции юридического текста и правовой коммуникации, как язык электронного права.

Поэтика и семиотика языка архаического права выражены в генеалогии и культе предков. Поэтика и семиотика языка *средневекового права* определены застывшим языком религиозных текстов и мемориальных календарей. Поэтика и семиотика языка права *эпохи модерна* выстроены сухой логикой рациональных конструкций. *Новая историческая эпоха* форм социального общения — эпоха сетевых сообществ и коммуникаций. Это также эпоха открытых структур юридического текста, подвижного языка сетевого права (языка *трансграничных институтов*) и конвенционального языка его юриспруденции (*юриспруденции сетевых коммуникаций*).

Юридическое начало социального общения, заключенное в процессы внесения формальной определенности в их существование и развитие, начинает постепенно вытесняться культурой постмодерна в сторону размытых форм юридической организации социальных отношений. Практика буквального прочтения и толкования юридического текста медленно смещается в своих определениях и конструкциях к широким для интерпретации его нормативного содержания границам конкурирующих смыслов и значений. Языки живой метафоры и риторических формул органично входят в научный и практический оборот, порождая свою юридическую технику организации правопорядка существующего за рамками догматики и аксиоматики старой юриспруденции [20; 21; 22]. В эпоху стабильности социальных практик на юридической авансцене царит *догматика права*. В эпоху перемен на передний план выходит *метафизика права*, глубинные убеждения и мотивации, образующие или удерживающие от распада социальные общности. Нормативное ядро и периферия меняются местами. Пора остановиться писать одно и то же об одном и том же. Все только начинается, чтобы снова повториться¹⁵.

* * *

Поэтико-семиотическое прочтение юридического текста фундаментально. За логическими конструкциями и определениями оно видит живое право, данное в его переживаниях, ожиданиях и оценках. То есть в таких

¹⁵ См.: Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017; Бауман З. Текущая современность. М., СПб., 2008; Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2017. Проблема в том, что социальные категории — отношения и представления, считавшиеся жесткими и фиксированными, сегодня становятся гибкими и текучими по факту их собственного внутреннего развития еще до того, как мы осознали, а тем более осмыслили логику и динамику их возможных структурных состояний. Социальные институты сами себя нормируют безотносительно от намерений вписать их движение в наличный правопорядок. Фактическое и воображаемое, желаемое и действительное пересекаются, взаимоопределяя и конструируя друг друга. Мир, как воля и представление, нашел себя в другом. Порядок формальных решений и порядок реальных действий начинают жить своей параллельной жизнью, что радикально ограничивает и меняет роль государства (универсального бюрократа) в практиках их правовой организации. «Мавр уже сделал свое историческое дело», но при этом не хочет это понимать, а тем более уходит или отказывается от монополии быть единственным действующим лицом на юридической сцене.

формах осмысления правовой реальности, в которых заключено и пульсирует внутреннее человеческое начало социального общения. Поэтика и семиотика, как системы социокультурных инструментов (*символических правил, процедур, практик*) реконструкции означаемых и означающих, свободны от доктринальных, предваряющих анализ догматических суждений, задающих не только эпистемологические рамки описания и объяснения явлений, но прежде всего, закрывающих возможность действительно-го понимания их скрытого значения и смысла. С методологической точки зрения, поэтика и семиотика юридического текста, это — язык и процесс (*дискурс-анализ*), очищающий юридические события, факты, состояния от ложных интерпретаций и искажений [23; 24; 25].

Каждая эпоха в развитии юридической науки имеет свою концептуальную карту мира и оставляет свое аналитическое наследие, выраженное в новых языках, предметах и моделях описания и объяснения права. Поэтика и семиотика позволяют открыть внутри юридического текста в любой форме его референции (*вербальной и визуальной*) то, что, как правило, в нем спрятано и живет своей собственной жизнью. А именно, юридический концепт самой социальной действительности, выраженный в различных символических (*знаковых*) репрезентациях наличного права. В этом плане, поэтика и семиотика — универсальные аналитики всего исторического разнообразия юридического мира социального общения прошлого, настоящего и будущего, представленного юриспруденцией ритуального жеста и танца [26; 27; 28], юриспруденцией домашнего очага и публичного форума [29; 30], юриспруденцией устного и письменного слова [18; 31; 32], юриспруденцией трансграничных коммуникаций и институтов [33].

Список литературы

1. Лафитский В.И. Великие конституции. М., 2017.
2. Герберт Б. Символический интеракционизм. М., 2017.
3. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
4. Олаф Б. Диктатура пролетариата. М., 2018.
5. Осаке К. Размышления над Гражданским кодексом российской Федерации: перспективы сравнительной цивилистики // Ежегодник сравнительного правоведения. 2002. М., 2003.
6. Варламова Н.В. Непозитивистская концепция правовой догматики // Российское правосудие. 2007. № 10(18).
7. Синюков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 19–29.
8. Девятко И.Ф. Понятие нормы в социологической теории. От классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М., 2017. С. 10–42.

9. История юридических наук в России: сборник статей / под ред. О.Е. Кутафина. М., 2009.
10. Тисье М. Высококатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в. // Наука о человеке. История дисциплин. М., 2015. С. 207–238.
11. Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки. М., 2019.
12. Мартышин О.В. К истории формирования понятия «государство» // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 37–48.
13. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике: монография. М., 2016. С. 48–72.
14. Веденеев Ю.А. Юридическая наука: введение в историю дисциплины // Государство и право. 2018. № 2. С. 5–18.
15. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.
16. Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5–12.
17. Лафитский В.И. О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право. Монография. М., 2018.
18. Темнов В.И. Звучащая юриспруденция. М., 2010.
19. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб., 2015.
20. Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллинн, 1983.
21. Законотворческая, интерпретативная, правоприменительная техника в контексте культур и межкультурной коммуникации // Юридическая техника. Ежегодник. Нижний Новгород, 2010. № 10.
22. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 1997.
23. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017.
24. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2018.
25. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011.
26. Мейн Г. Древний закон и обычай. Исследования по истории древнего права. М., 2010.
27. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013.
28. Шевцов С. Метаморфозы права: Право и правовая традиция. М., 2014.
29. Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М., 2011.
30. Гофман Э. Символы классового статуса // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 42–53.
31. Бочаров В.В. Неписанный закон. Антропология права. СПб., 2012.
32. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
33. Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–218.